

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

ПОЛНАЯ ЧАША ЗЛАТА И ЛИХА

Возраст Байкала, этого величайшего произведения природы и хранилища пятой части поверхностных пресных вод на Земле, как известно, примерно 25 млн лет, продолжительность научного его изучения, начиная с первых описаний, чуть более трехсот лет, а возраст опасного вмешательства в его экосистему — полвека. Всего полвека, срок в сравнении с возрастом настолько мизерный, что даже мгновением его назвать нельзя. Это какая-то много-и-много-дробная доля мгновения, но чего стоила эта доля Байкалу!

До того человек как существо достаточно разумное и мирное, жившее в ладу со своими скромными потребностями, не представлял для Байкала опасности. До того он испытывал к Байкалу, как к опустившемуся на землю всеильному божеству, страх, почтение и благодарность. Даже прокладка Кругобайкальской железной дороги столет назад не нанесла ему чувствительных ран: дорога протянулась по берегу, и ее инженерные сооружения, которые и проектировались так, чтобы не повредить Байкалу, вписались в его величавую картину органически, как тут извечно и были, и, как ожерелье, сделались его украшением.

Во второй половине прошлого века после войны удалось восстановить охранными мерами омулевое «стадо» от чрезмерного вылова в голодные годы. Судоходство до середины века было незначительным и могло еще составлять гордость человека, взбравшегося на заговор крутой байкальской волны. Пока человек сохранял безопасную меру своих отношений с Байкалом, пока не посягнул он на святая святых — состав его воды и жизнь организмов — всякое вмешательство было еще поправимо и не вызывало ощущения беды.

Неверно считать, что во все минувшие до XX века времена человек столь убийственно, как теперь, не расточал окружающий его природный мир лишь потому, что для этого у него были руки коротки. Руки имели другое назначение — брать столько, сколько нужно для неприхотливого существования. Всем строем своей жизни и опыта, всем строем тесного взаимодействия с живой и неживой природой человек создал свое особое, возвышенное, но и зависимое от общего ряда положение. Он знал свое место, и это место в мире, как и в семейном жилище, интуитивно оберегалось им от запущения и разрушения. Академик А. П. Окладников,

производивший археологические раскопки в устье реки Белой недалеко от Иркутска, в слоях, относящихся к эпохе неолита, обнаружил санитарные ямы: наш древний предок, перед которым расстилались необозримые просторы девственной земли, не разбрасывал пищевые отходы и мусор на стоянках исключительно из своей чистоплотности. После Адама и Евы, потерявших первоначальный, дарованный рай, в трудах и муках состоялось обретение — и надолго! — нового рая, потому что, как ни смотреть на него, это был рай: каждый человек в избытке имел чистую воду, чистый воздух и пусть порой скудную, но здоровую пищу.

Лет десять уже как в теплые месяцы на берега Байкала съезжаются из Европы и Америки гринписовские молодежные отряды, чтобы за местными жителями убирать мусор, ландшафт из которого затмевает природный ландшафт. Стыдно? Да, стыдно. Даже дикарями, как видите, нельзя назвать тех, кому посчастливилось жить и быть подле святыни и кто походя и даже, думаю, бесознательно оскверняет ее, будто отхожее место. Не хочется даже и делать оговорки: мол, не все такие. Эти «не все» плодятся с такой быстротой, что начинают уже занимать место всех. Живущие подле чуда и не видящие чуда, получающие благодать и не понимающие, что им дается. Это не только стыдно, но и страшно.

Продолжу сравнение. В 1966 году, когда целлюлозные комбинаты на Байкале (один на берегу озера, другой на Селенге, впадающей в озеро) уже были подготовлены к пуску, опять зазвучали общественные протесты против предстоящего насилия над этим великого лепя даром природы. И тогда правительством создается экспертная комиссия под руководством академиков Жаворонкова и Вольфовича. Ей даются широкие полномочия — сказать последнее слово. Решение известно, оно и не могло быть иным, академики не подкачали. Выходило, по их ученому мнению, что без комбинатов и Байкал не Байкал. Вот один из самых ярких доводов, которые приводил в пользу химии на Байкале академик Жаворонков, химик по специальности: «Рыбохозяйственное значение Байкала невелико и имеет лишь местное значение. В то же время Байкальский целлюлозный завод будет давать 15 тысяч тонн кормовых дрожжей в качестве побочного продукта с содержанием белка 50 процентов. Если перевести на стандартный белок — это более 30 тысяч тонн. Этого количества хватит для откорма

свиней с получением 6 тысяч тонн мяса. А в производстве птицы это может дать еще больший эффект».

У меня нет данных, сколько Байкал дал стране свинины, но не может быть никаких сомнений: если бы его воды не были отданы под промышленные стоки, чище были бы и его берега. Как очистные сооружения не способны вернуть Байкалу его родную воду, как воздушные фильтры выбрасывают в атмосферу мертвый, с остатками ядов, воздух, так человек поддается влиянию воцарившейся вокруг Байкала нездоровой нравственной среды, когда защитники нашего славного моря терпят поражение за поражением, а над самим морем совершается ритуальное жертвоприношение. Кроме природной биологической цепочки в той же взаимозависимости существует и общественная психонравственная цепочка. В самом Байкале мутируют водные организмы, на берегах Байкала мутирует человек, поражаются чувствительные центры, атрофируется восприятие красоты, перестает звучать в душе аллилуйя Создателю. Сорок лет назад интернациональным бригадам мусорщиков работы здесь наверняка бы не нашлось.

Вообще это, кажется, становится свойственным современному человеку: все лучшее, все самое прекрасное, святое и неизъяснимое как в произведениях природы, так и в творениях гения подозревать в неполноте и ущербности именно потому, что они являют собой совершенство. Нам почему-то становится легче, мы находим странное утешение в том, что и на солнце есть пятна, а под сияющим ликом красавицы может скрываться ведьма. Потому-то, надо полагать, шедевры старых мастеров уродуются в музеях кислотой или ножом, Христа в модных и скандальных фильмах укладывают в постель с грешницей... Попробовали с той же вседозволенностью малевать карикатуры и на пророка Мухаммеда, да исламский мир не нам чета: с такой решительностью поднялся против европейских «прав человека» на любую гадость и любое осквернение, что содрогнулась планета.

Байкал сразу после войны стал вызывать беспокойство: всего в нем сполна, во всем он явление ни с чем не сравнимое, действующее на душу глубоко и сильно, обладающее способностью магического целения. Какое же это служение человеку — вода, красота, таинственная жизнь глубин, тревожное, зовущее к лучшему преображение? Все это нельзя измерить, все это, так сказать, пожалуйста, в нерабочее время, но ведь и

работать надо. Одной естественной отдачи мало. Откорм свиней — это было не первое из подыскиваемых Байкалу занятий. Еще до него всерьез обсуждался и близок был к исполнению проект поразительной смелости и новаторства — подложить под Шаман-камень в истоке Ангары тридцать тонн аммонита и рвануть, чтобы байкальская вода беспрепятственно хлынула на турбины ангарских гидростанций. Подсчитали: снижение уровня Байкала только на один сантиметр даст столько электроэнергии, что ею можно выплавить одиннадцать тысяч тонн алюминия. А если спустить не на сантиметры, а на метры? Ведь этак можно завалить алюминием весь мир! Шаман-камень не взорвали только потому, что нашлись, слава Богу, ученые, которые припугнули вероятностью непредвиденного геологического смещения.

Двадцать лет назад, в разгар экологического общественного подъема, который памятен до сих пор, мне удалось добиться встречи с министром лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. Министр, разумеется, защищал и всячески приукрашивал деятельность байкальских комбинатов. В этом ничего неожиданного не было, но я буквально ахнул, когда он заявил, что байкальская вода для питья не годится, по своему химическому составу она человеку вредна. Рядом с министром сидели его заместители, один из них, как сказано было мне при знакомстве, прежде работал в Бурятии, и я обратился к нему: «Разве местные жители не пьют байкальскую воду?» «Конечно, пьют», — ответил он и поправился: — Пить-то пьют, но вообще-то она слабо минерализована и ведет к эндокринным заболеваниям». Я собирался писать об этой встрече (и писал) и спросил у него фамилию. Он ответил — нарочно не придумаешь: Продайвода. Фамилия его была — Продайвода. Вот и не верь после этого в мистику!

Байкал загрязняется не только целлюлозными комбинатами. Считается, что на долю БЦБК приходится всего лишь один процент загрязнений. Цифра, конечно, «легендарная», т.е. из разряда легенд того же происхождения, что и опасная для здоровья байкальская вода, но если бы даже это был один процент, если бы даже это была одна десятая процента, но в этой десятой участвовал диоксин, то и тогда это можно было бы назвать медленным убийством. Диоксин же, как считают специалисты-экологи, участвует. Ему и дела нет до того, что Байкал теперь — подлежащий особой охране и любви природно-культурный участок мирового на-

следия. И что несколько лет назад принят Закон о Байкале, державная охранная грамота. Принят с великими потугами и, вероятней всего, для того, чтобы уверить ЮНЕСКО, под чьим патронажем находится наиболее значимое мировое наследие, будто российская власть сознает свою обязанность беречь счастливый и бесценный дар небес. Уже стало не только очевидным, но сверхочевидным, что дорожке чистой пресной воды в мире сегодня ничего нет. Ни целлюлоза и нефть, ни алмазы и газ, ни все банки мира не идут ни в какое сравнение с водой, ибо она есть элемент, содержащий жизнь. Сделалось очевидным, и все-таки эта истина, горящая красным аварийным светом, с высокомерием и самонадеянностью продолжает игнорироваться мчащимися на огромной скорости по накатанной дорожке в пропасть.

БЦБК — не единственный загрязнитель Байкала, но, помимо агрессивного действия его стоков, он как бельмо на глазу еще и потому, что с самого начала и по сегодняшний день он проталкивался, возводился, защищался от общественности, представлял благополучную природоохранную картину в отчетах, в любых передрыгах выходил сухим из грязной воды, прибегая к подтасовкам, хитроумным ходам и обману. Его эпопея — это в сущности показательный урок на тему: кто в стране хозяин. Для продукции такого рода, какую выпускает комбинат, не обязательно была нужна байкальская вода (а уверяли, что обязательно); продукция эта не имела того сверхважного оборонного значения, перед которым безоговорочно открывались все замки и двери (а уверяли, что будет иметь); проектное задание на строительство комбината было утверждено много позже его пуска; как природоопасное предприятие он не имел права акционироваться, но обошел и это препятствие; как только с включением Байкала в список объектов мирового наследия нависла над комбинатом угроза — следует немедленная апелляция о помощи в ЮНИДО, в центр промышленного развития при ООН, и старая истина, что ворон ворону глаз не выклюет, вновь подтверждается: комиссия ученых из ЮНИДО, подобно приснопамятной жаворонковской комиссии, соглашается с требующимся от нее: комбинат Байкалу не помеха. Не помеха, но все-таки решено было ввести на комбинате замкнутый цикл водопользования, для этого Всемирный банк выделил и перечислил больше 20 миллионов долларов, вторая половина требующейся суммы должна была поступить от российского правительства, но

в прошлом году в самый последний момент хозяева комбината отказались от строительства. На том основании, что замкнутый цикл проблем загрязнения Байкала не решает. Разумеется, не решает, правильной было бы полностью перепрофилировать комбинат на другое, безвредное для Байкала, производство, да ведь не это благородное решение движет умами директоров, а, скорее всего, неизбывное желание оставить все как есть.

Заметьте, что с некоторых пор понятие цивилизации исчезло и употребляется лишь в отношении к прошлому времени. Цивилизация прекратилась. Появилось новое обозначение жизни: устойчивое развитие. Это полностью экономическое понятие, оно не исключает культуры и традиционных ценностей, но рядом с экономической не находит им места. Целью человеческого существования открыто становится потребительство. Бескультурный, бездуховный, безнравственный мир, руководимый теневой силой, провозгласивший глобализацию как инструмент единого планетарного рынка и беспредельной власти монополий и банков, — да разве остановится такой мир перед дальнейшим уничтожением природы!

Сейчас над Байкалом нависла новая, похоже, самая серьезная опасность. Еще один дамоклов меч. В духе последнего времени. В образе нефтетрубы громогласного проекта «Восточная Сибирь — Тихий океан». По побережью Северного Байкала проектировщики эту трубу «прочертили» на отдельных участках менее чем в километре от уреза воды. Отойти горы не дают, найти другой ход или выход — не дает баснословная выгода этого направления для заказчика — ОАО «Транснефть». Притом трубу намерены вести вдоль БАМа; безработный БАМ предлагает перевозить нефть в цистернах, что было бы самым разумным, но в таком случае это выгодно железнодорожникам и невыгодно «Транснефти». Сибирское отделение РАН предлагает маршрут в обход Байкала через Якутию, но он дороже да и прошел бы по местам не столь привлекательным и заповедным, как Байкал, не входящим в реестр особо охраняемых участков мирового наследия. Не тот, что называется, фасон ландшафта.

О выгоде и обязательствах государства речь уже и не идет.

А ведь эта нефтетруба в обнимку с Байкалом, если смотреть дальше и глубже, есть одновременно упреждающий удар по будущему благополучию России. Сегодня в цене нефть, а через три-четыре десятилетия — раньше! раньше! (и в этом никто,

кроме живущих одним днем, не сомневается) — стратегическим продуктом первой величины станет питьевая вода. Байкальский институт природопользования СО РАН подсчитал, что если бы даже и завтра нам пришлось продавать литр байкальской воды по сегодняшней бросовой цене 10 рублей, ежегодный доход в казну мог бы составить сумму 100 триллионов рублей. Да и нам самим байкальская вода понадобится. Как и байкальская красота, все байкальское благолепие.

В мире нет и не может быть совершенно безопасных нефтепроводов, действительность подтверждает это постоянно. Клящая жара и клящий мороз, дикий зверь и дикий человек, природные катаклизмы, которых меньше не становится, — все это хорошо бы учитывать, прежде чем клевать на приманку «транснефтевого» проекта. И не забыть при том, что Байкал — это зона активной сейсмичности, каждый день (каждый день!) здесь трясет по нескольку раз, трясет до поры до времени «миролюбиво», но за столетие набирается три-четыре разрушительных землетрясения. На восточном берегу чуть северней Селенги есть залив под названием Провал — в память о трагическом событии полуторавековой давности, когда одним махом ушла под воду степь мерой в двести квадратных километров. Не прошло еще и пятидесяти лет, как от байкальского удара были разрушения в Иркутске. Кто может дать гарантию, что подобное не повторится завтра или послезавтра?

В 60-х годах минувшего столетия, когда целлюлозникам удалось обойти все препятствия и настоять на том, что только здесь, на берегу Байкала, и место комбинату, в ходу была бравая песенка:

Эй, баргузин, пошевеливай вал!
Любуйся и силой, и хваткой:
Мы строим завод и построим завод
В широком таежном распадке!

Безумству храбрых пелась эта песенка. Безумству храбрых и напору жадных. Доколе?! Двадцать лет назад моя статья в газете «Известия» о плодах хозяйничанья (тоже двадцатилетнего со времени запуска комбинатов) называлась предостерегающе: «Байкал у нас один». Многие и многие сотни писем-откликов получила тогда редакция, я их храню до сих пор. Теперь впору говорить с одышкой после множества отступлений от былого величия: Россия у нас одна! Другой, запасной, нет.